

ПАЛЬМИРА КЕРЛИС

ДЮЙМОВЧКА,

ДИЕТА И КРОТОВЬЯ МАФИЯ

Как избавиться от тыквы

Пальмира Керлис

**Дюймовочка, диета
и кротовья мафия**

«Автор»

2026

Керлис П.

Дюймовочка, диета и кротовья мафия / П. Керлис — «Автор»,
2026 — (Как избавиться от тыквы)

Ты хотела беззаботной жизни и вкусных тортов, а теперь вынуждена скрываться у кротовьей мафии, чтобы тебя не пустили на зелье? Не страшно, ведь не все феи одинаково нежны и покорны судьбе. Особенно когда у них есть неприятие диет, чувство собственного достоинства и неожиданный поклонник.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дюймовочка, диета и кротовья мафия

Глава 1

Торт был великолепен.

Я сидела прямо в тарелке, поджав под себя ноги, и орудовала маленькой ложкой, которая в моих руках выглядела как шахтерская лопата. Кремовые розочки таяли на языке, бисквит крошился, и я с наслаждением зачерпывала очередную порцию, стараясь не думать о том, что мое платье безнадежно испачкано.

Увы, ростом я не вышла. Да что там не вышла – вовсе не вписалась в общепринятые стандарты. От пяток до макушки во мне тринадцать сантиметров. Тринадцать! Это если не сутулиться. Вширь, правда, раздалась знатно. Но я же не виновата, что сладкое такое вкусное.

Крем был везде: на щеках, на подбородке, на груди, на коленях. Я выковыривала очередную розочку, когда дверь кухни распахнулась.

– Только отошла на минутку! – гаркнула Васка с порога. – А эта уже торт жрет.

Моя «маменька». Немолодая, полная, с мозолистыми руками и вечно поджатыми губами.

– Ну ты и обжора, Тыковка!

Да, Тыковка – это я. Имя прицепилось ко мне с самого детства, потому что Васка нашла меня на тыкке, которую посадила у себя в огороде. Уж не знаю, каким образом меня туда занесло – не из тыквенного же семечка я, право слово, проросла. Но факт остается фактом: тыква, утро, я – младенец размером с фасолину. Васка меня оттуда достала, повертела в руках и, судя по всему, решила, что выбрасывать нехозяйственно.

– Жалко тебе, а? – Я отставила ложку и уперла руки в бока. – Много ли я съем?

– В прошлый раз ты весь кусок сожрала. Я его на стол поставила, отвернулась – и нет торта!

– Ничего не весь, – возразила я с достоинством. – Дай боги, половину.

Васка закатила глаза. Подошла к столу, подхватила меня за шиворот платья, как котенка, и плюхнула в раковину. Под струю ледяной воды.

– Отмывайся, чучело!

И ушла, предварительно убрав торт в холодильник. Ну как так-то?!

Я поежилась, отплеываясь, и вскарабкалась на крап. Это оказалось непросто: латунный бок был гладким, пальцы соскальзывали, и я дважды чуть не сорвалась вниз. Наконец ухватилась за вентиль, подтянулась и прибавила горячей. Вернулась в раковину. По плечам потекла теплая вода, смывая крем и обиду.

Платье у меня было одно-единственное. Сняли его когда-то с пупса и отдали мне. У него, видимо, не предполагалось таких пышных форм, как у меня, поэтому декольте в этом наряде было внушительное. Вырез чуть ли не до талии, честное слово. Ходи и сверкай. Я прополоскалась вместе с платьем, оттерев пятна средством для мытья посуды. Запах, конечно, остался противный – зубодробительно лимонный, зато чисто.

Почему я такая маленькая? Кто я вообще такая? Ответов не было. Восемнадцать лет живу у Васки, одинокой женщины, что держит на отшибе столицы аптекарскую лавку. И квартирka тут, в том же приземистом здании. Уютно, не спорю. Но сама Васка промышляет не только снабжениями. Привороты всякие, молодильные эссенции, зелья удачи для азартных игроков. Клиентура сомнительная, но постоянная. А я помогаю ей по мелочи – травы перебрать, порошки растереть, семена рассортировать.

Не то чтобы Васка считала меня за дочь. Скорее за подмастерье. Или за говорящую диковинку, которая жрет ее торты.

Отмывшись, я снова вскарабкалась на кран и закрыла воду. Вытерлась кухонным полотенцем – для меня оно было размером с одеяло. Я сползла на пол, используя ручки ящиков столешницы как лестницу. Ох и кряхтела! Физическая нагрузка та еще. А пройти с кухни в мастерскую – целое путешествие.

И вот что обидно: эти нагрузки никак не помогают сбросить вес. Может, тортов меньше есть надо? Нет, глупость какая-то.

В мастерской я взобралась по специальной лесенке на стол, где были разложены травы, и принялась за свою обычную работу – обдирать лепестки с целебных цветов и складывать их в мешочек. Занятие монотонное, даже скучное. Устала я быстро. Каждый раз убеждаюсь, что не создана для работы. Совершенно для нее не гожусь. Пальцы в пыли, голова тяжелеет, спина ноет...

Отложив цветок, яглянула в окно. Вид открывался замечательный. Помимо ухоженного огорода – роща, речка, закатное небо. Я выбралась на подоконник, устроилась поудобнее. И заметила ее. Жабу.

Она сидела внизу под окном и неотрывно смотрела на меня. Раздувалась, как мешок с пуговицами, буравила своими выпученными глазами. Я вспомнила: это уже не первый раз. Вчера она тоже сидела. И позавчера. И на прошлой неделе. Театр здесь для этой жабы, что ли? Я слышала про театры от Васки и читала в газетах.

– Эй, – сказала я жабе. – Представление окончено. Завтра приходи. В это же время.

Жаба и не подумала отвечать или уходить.

К окну подлетел мотылек. Упитанный, пушистый, с двумя перистыми рожками на голове. Мотыль – мой друган. Нет, он не имеет ничего общего с наживкой для рыб. Просто так звучит солиднее.

– Привет, Тыковка! – прожужжал он, приземляясь у приоткрытой форточки.

Так уж сложилось, что я понимаю животных и насекомых, а они – меня. То ли магия, то ли компенсация от природы за миниатюрность.

– Привет, Мотыль.

– Сегодня я был в шаге от смерти! – выпалил он, дрожа крыльями. – Мухобойка... Огромная. Просвистела в миллиметре от моего крыла!

– И как ты уцелел?

– Резко ушел вправо, потом вниз и влево. Она только воздух рассекла! Но меня чуть не пришлепнуло, клянусь тебе.

– Будь осторожнее, – посоветовала я. – Мухобойки не дремлют.

– Обещаю себя беречь. – Мотыль взмахнул крыльями. – Ну, я полетел. У меня дела. Ночью – луна, цветы, нектар. Сама знаешь.

– Знаю. Приятного аппетита!

Он упорхнул, жаба проводила его задумчивым взглядом. Я показала ей язык. Она раздулась еще сильнее.

Закат отгорел, улица погрузилась в сумерки. Я сползла со стола по лесенке и двинулась к двери лавки вдоль стеночки. У того, чтобы осторожничать, были две причины. Во-первых, я не хотела, чтобы на меня наступили. Во-вторых, Васка запрещала показываться людям на глаза. Народ-то разный бывает, особенно тут. Вдруг захотят спереть и сдать в какой-нибудь цирк. Или в музей. Или засунуть в банку с заспиртованными уродцами.

Добравшись до приоткрытой двери, я обратилась в слух. Из лавки доносились голоса: Васки и еще кого-то.

– Вы действительно столько заплатите? – изумлялась «маменька».

– Даже больше, если изготовите это зелье, – отвечал незнакомец. – Вы понимаете, что за такое берутся единицы?

Стало любопытно. Я прошмыгнула в дверную щель и спряталась за стоящим рядом мешком с травами. Выглянула наружу.

Васка стояла за прилавком спиной ко мне, а напротив нее мялся тщедушный тип. Тощий, как вешалка, в плаще не по размеру, с надвинутым на лоб капюшоном. Лица не разглядеть. Голос у него был тихий, вкрадчивый, как у человека, который привык договариваться шепотом.

– Ингредиенты достать очень трудно, – продолжал он. – Особенно один.

– Я достану, – отрезала Васка. – Приходите завтра к утру за готовым зельем.

– Уверены?

– Уверена. Готовьте денежки.

– Что ж, тогда оставляю вам рецепт.

Тип кивнул и ушел, над дверью звякнул колокольчик. Васка торопливо положила на настольную полку какую-то бумажку. Рецепт, наверное.

Боясь, что она меня заметит и начнет ругать, я ретировалась. В мастерской опять взялась за лепестки, а в голове роились мысли. Что за заказ? Кто этот тип? И почему Васка так удивлялась?

Через час она пришла. Необычайно ласково подхватила меня на руки, отнесла на кухню со словами:

– Будем ужинать и спать.

И выложила на стол торт. Отрезала мне новый кусок! Огромный по ее меркам – с три мои головы. Лицо у нее при этом было такое, какое бывает у кота, увидевшего мышь в мышеловке.

Подозрительно. Очень подозрительно.

– Что за радость приключилась? – спросила я, ковыряя крем ложкой-лопатой.

– Ой, я скоро буду богата, – мечтательно проворковала Васка. – Мне сделали крайне выгодный заказ на зелье.

– Какое зелье?

– Не твоего ума дело. Сколько там у тебя ума-то? Мозги с чайную ложку.

Ну да, конечно. А сама сияет и только что дала мне торт, которого у нее обычно не допросишься. Если бы мозгов было с чайную ложку, я бы, может, и не почуяла подвоха. Но их, видимо, где-то с полторы, поэтому я напрыглась.

После ужина «маменька» отнесла меня в кладовую, где располагалась моя кровать-колыбелька. Тоже от того пупса. Розовая, с балдахином и кружевными подушками. Васка уложила меня, поправила одеялы, пожелала сладких снов и удалилась.

А мне не спалось. Что-то глодало изнутри. Дурное предчувствие! Я ворочалась, прислушиваясь к храпу «маменьки» за стеной. И не выдержала. Спустилась с кровати по крошечной лесенке, которую сама смастерила из спичек и ниток, и прокралась в лавку.

Там было темно, пахло сушеными травами. Я забралась на стол по ручкам ящиков и вытащила ту бумажку с полки. Развернула ее, зажгла свечу.

Рецепт зелья долголетия! Вверху указание: «Варить строго на рассвете, едва покажется солнце».

Я пробежала глазами по ингредиентам. «Корень мандрагоры». У нас есть. «Желчь саламандры». Имеется. «Пепел роз». Найдется. «Утренняя роса». В шкафу целый пузырек. «Кровь феи – 3 миллилитра». Э-э-э... Что?!

Глава 2

Рецепт я перечитала трижды. И еще раз, на всякий случай. Буквы расплылись – или свеча чадит, или у меня сонные глюки. Но нет, сон как рукой сняло.

«Кровь феи – 3 миллилитра». Черным по белому. Ошибок нет.

Что за фея? Явно что-то живое, раз у нее есть кровь. Далее – зелье надо варить на рассвете, а клиенту велено прийти утром. За готовым! Стало быть, все ингредиенты у Васки в наличии, раз она завалилась спать.

Я знала наизусть все банки, склянки, флаконы и их содержимое. Вся лавка была мною пересчитана, перетряхнута и перемыта не один десяток раз. Кровь василиска валяется на нижней полке. Черного петуха – рядышком. Летучей мыши – целый запас. А вот фейской – ни капли.

И надо-то ее всего три миллилитра. Так мало оттого, что крови в этих существах в принципе немного? То есть они сами по себе маленькие. Очень маленькие. Размером, скажем... с меня.

Вот почему Васка расщедрилась на торт! Вот почему была такая ласковая. Напоследок. Решила из меня кровушку выжать – всю, до капли. Во мне, небось, всего три миллилитра.

Хорошая новость: кажется, выяснилось, что я за существо такое. Плохая – на рассвете мне конец.

Надо бежать!..

Куда? Это потом. Как? Вот это первоочередная задача. Дверь лавки заперта. До замка мне не дотянуться: он где-то на уровне Васкиного пупка, то есть на высоте моего четвертого этажа. Значит, окно. Форточка в мастерской обычно на ночь оставалась открытой – для проветривания. Одна надежда на нее.

Я свернула рецепт и сунула обратно на полку, хотя рука потянулась к чернильнице – так и хотелось приписать на полях что-нибудь вроде «ну ты и коза, маменька». Но это долго, а каждая секунда на счету. Васка может проснуться. В туалет там, попить водички. А затем от предвкушения наживы вообще не уснуть.

До мастерской я добралась быстро. Оказалось, что умею весьма резво и беззвучно бегать на цыпочках, несмотря на вес. У страха ноги что надо.

Ура, форточка была открыта! Я вскарабкалась на стол по лесенке, оттуда – на подоконник. Подставила пару коробок. Однако до форточки было высоко. О, мешочки с семенами! Небольшие, с человеческий кулак размером. Сгодились в качестве строительных блоков. Я громоздила их друг на друга, как пирамиду из камней. Пыхтела, потела, но подтаскивала. Наконец конструкция достигла нужной высоты, и я вместе с ней. Была у цели, и тут... нижний мешочек поехал!

Чудом успела уцепиться за край форточки. Мешочки подо мной осыпались вниз с мышиным шуршанием. Я повисла, болтаясь и суча ногами над пропастью. Подтянуться удалось не сразу: вешу все-таки прилично для самой себя. С диким усилием я закинула ногу на раму и уселась. Фух...

Под окном темнели кусты смородины. Ну хоть не крыжовника! Прыгать все равно было страшно. До земли – метра два. Для меня это как все двадцать.

– О фейские боги, – прошептала я. – Если вы вообще существуете, помогите.

И сиганула вниз.

Кусты поймали меня в объятия. Ветки пружинили, скрипели, царапали. Я проломила верхний слой листвы, скатилась по кривой ветке и мягко шлепнулась на траву. К счастью,

земля была сырой и рыхлой – недавний дождик постарался. Ушиблась, но не смертельно. Даже платье не порвала.

Я встала, отряхнулась, огляделась. Темный двор, огород, забор у рощи. Итак, куда теперь? В столицу, искать счастья? Или в рошу и дальше в пригородные леса? Столица – это люди, цирки, зоопарки. Лес – это жуки, совы, лисы. Вероятно, с моим умением разговаривать с живностью, в лесу и веселее.

Пока я раздумывала, из-под лопуха выпрыгнула жаба. Та самая, что наблюдала за мной днями напролет. Ого, а она больше, чем казалась с подоконника! С меня ростом, а уж насколько шире...

– Чего тебе? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал сурово.

Попятилась да шлепнулась на землю. Жаба схватила меня лапами за ногу. Холодными и мокрыми, фу.

– Отпусти! – заверещала я.

Куда там. Она перехватила меня пастью за бок. Не больно, но унижительно до крайности. Я брыкалась, молотила кулачками по скользкой морде, но все без толку. Жаба прыгнула. Раз. Два. Три.

Мир трясся. Трава мелькала, я визжала, молилась, ругалась. Жаба придерживала мою тушку языком, чтобы не выпала.

– Куда ты меня несешь, ненормальная?! – орала я.

– Тс-с, – прогундела она очень угрожающе.

Я замолчала. Нет, правда, молчать – это не сдаться. Это тактическое решение.

«К семье понесла – делиться добычей» – билось в голове. Вот же будет нелепая смерть. Ничего, я еще повоюю. Поперек горла им встану!

Спустя несколько долгих минут жаба остановилась и отпустила меня. Я упала в какую-то жижу. Тут же вскочила. Рядом была речка, но такая грязная и зацветшая, что больше походила на болото. Ряска, тина, запах гнили. Берег – вязкий и илистый.

– Попробуй меня сожрать, – погрозила я жабе кулачком. – Я сама тебя сожру!

– Нет-нет, – квакнула она. – Я принесла тебя своему сыну.

– Вот только троньте... Ему тоже не дамся!

– Да не собираемся мы тебя есть. Мой сын в тебя влюбился. Увидел раз на окне и покой потерял. Вот я и сидела у твоего дома. Ждала удобного момента.

Я онемела. Нашлась с ответом, впрочем, быстро.

– Чтобы меня похитить?!

– Забрать в семью. Станешь его женой.

– Да какой еще брак? – Я выпала в осадок. Окончательно и бесповоротно. – Мы разные виды. Я икру не мечу!

– Это недостаток, конечно, – согласилась жаба. – Но что поделать. Любовь зла, полюбишь и... кто ты там.

– Фея! – выпалила я с гордостью.

– Не знаю ни про каких фей. Ну да неважно. Отныне ты живешь с нами.

Из-за камыша выпрыгнул жаб поменьше – должно быть, ее сын. Увидел меня – и весь затрепетал. Буквально. Кожа заходила волнами.

– Любовь моя, – выдохнул он. – Это ты...

Надо же, какой пылкий.

– Ладно, – сказала я, скрестив руки на груди. – Можно подумать. А хозяйство у вас какое? Жаба опешила.

– Хозяйство? – переспросила она.

– Ага. Дом, огород, припасы. Чем жить-то будем?

– Да вот... берег реки. Наше хозяйство.

– Это не дело, – поморщилась я. – А питаетесь вы чем?

– Мухами и прочим. – Моя похитительница кивнула на сына. – Он у меня добытчик.

– Я такое не ем, – сообщила я. – Торты люблю. На крайняк – овощи. Значит, так. Огородик разобьем. Вскопаем грядки. Лапки у вас есть? Отлично. Лопату соорудим.

Жаба сердито надулась. Новоиспеченный муженек растерянно переводил взгляд с нее на меня.

– Я буду делать так, как мать скажет, – заявил он.

– Это раньше так было, – парировала я. – А теперь будешь жену слушать. А то ишь, сыночка-корзиночка.

Жаба раздулась так, что, казалось, вот-вот лопнет. А потом схватила меня, как в прошлый раз, и потащила к воде.

– Эй! – возмущалась я, пока она плыла. – Ты чего?!

Свекровь выгрузила меня на лист водяной лилии. Огромный, плоский, с загнутыми краями. Я шлепнулась на него, поскользнулась, едва не скатилась в воду. Уцепилась за край.

– Зачем ты меня сюда приперла?! – закричала я.

– Чтобы ты не сбежала, пока мы на мух охотимся, – невозмутимо ответила жаба.

И уплыла к берегу. Вскоре скрылась вместе с сыном в камышах – видимо, там мухи пожирнее.

Я уселась на лист, поджав ноги. Мутная речная вода шла пузырями, под листом что-то шевелилось.

Во дела!

Глава 3

Ночь была лунная. Свет заливал речку так, что я видела каждый листик ряски и каждую трещинку на моем ненадежном суденышке. До берега было метра два. Всего-то. Для человека – ерунда. Для меня – ого-го. Увы, я не умела плавать. Разве что в тазике барахталась, когда Васка устраивала мне помывку.

А может, плавание – врожденный инстинкт у фей? Как у рыб?

Я решила проверить. Легла на пузо и осторожно подползла к краю ногами вперед. Они коснулись воды. Следом погрузилось туловище. И я сразу пошла ко дну.

Вода хлынула в нос, в рот, в уши. Я отчаянно замахала руками, забила ногами – бесполезно. Утягивало вниз. Ухватившись за лист, я выкарабкалась обратно, отплевываясь и кашляя.

М-да! Только платье промочила и сама намочила до кончиков волос. Сидела теперь мерзла. Вода была темной и пахла чем-то тухлым. Под листом продолжалось шевеление. Надеюсь, это просто рыба...

Вскоре ко мне подплыл жаб. Вынырнул у самого края и выложил на лист горсть дохлых мух.

– Милый, – скривилась я, – ты дурак?

Муженек замер.

– Я такое не ем. Принеси мне нормальной еды.

– Какой?..

– Ну, орехов там, ягод хотя бы.

Он развернулся и уплыл. Вернулся через полчаса, держа в лапах сверток из листа подорожника. Внутри – орехи и горсть ежевики. Я их радостно слопала. Орехи были свежие, ягоды – спелые. Не торт, конечно, но сойдет.

– Кстати, – сказала я с набитым ртом. – Я Тыковка. А тебя-то как звать?

– Никак.

– Как это?

– Мать меня зовет «сын».

– Так дело не пойдет. Не называть же мне мужа просто Жаб. Будешь Аркадием.

Жаб моргнул. Потом еще раз. Похоже, он не до конца понимал, что происходит.

– Аркадий, – повторил он. – Красиво.

– И с твоей мамой мы жить не будем, – обозначила я. – Нам нужно отдельное жилье.

– Как это – без мамы? – ужаснулся он.

– А вот так. Ты теперь женатый жаб Аркадий. Построй мне домик на берегу. Хоть из травы. И подальше от места обитания мамаша. Понял?

– Но мама...

– Или между нами все кончено.

– Уже плыву строить!

Умчался он так быстро, что аж брызги полетели. На берегу ускакал куда-то в камыши – наверное, искать подходящее место. А ничего, слушается. Вернется – велю меня в новый дом отсюда переселить. Не собираюсь сидеть тут как в водной тюрьме.

Я зябко поежилась. Ночь-то не теплая. У меня ни одеяла, ни хотя бы носка. Все мокрое, холодное. Хорошо хоть, не дует.

Задрав голову, я принялась от безделья разглядывать звезды. Яркие, близкие, как рассыпанные по черному бархату жемчужины. Вдалеке ухнула сова. Или филин. Я не разбираюсь.

Но звук мне не понравился. Сова с ее молчаливым полетом и острыми когтями – это вам не жаба. Утащит меня к себе в дупло, я же как на ладони сижу...

И тут я увидела на берегу свекруху. Она была какая-то ну очень зеленая, будто от злости, и не сводила с меня своих выпученных глаз. Раздувалась, как бешеная.

– Эй, – крикнула я. – Чего уставилась?

Она прыгнула в воду. Под листом мелькнул ее темный силуэт. Я на всякий случай отползла к центру, подальше от края. Мое суденышко содрогнулось.

Хрусть.

Да эта гадина оборвала стебель!

Лист качнулся, развернулся и медленно, но неумолимо поплыл по течению.

– Ты что творишь?! – заорала я дурниной.

Жаба вынырнула перед листом, квакнув:

– Я ничего. Это несчастный случай.

И добавила, зло сверкнув глазами:

– Такая невестка мне не нужна!

Лист подхватило и понесло прочь от жабьего семейства – вниз по течению, в темноту. Я легла плашмя, вцепившись в скользкую поверхность. Вода перехлестывала через края. Течение крутило, вертело, подбрасывало на волнах.

– Спасите! – завопила я что было мочи. – Кто-нибудь!

Над головой что-то зажужжало. Я подняла голову. Мотыль! Кружил над листом, хлопая крыльями.

– Тыковка? – прожужжал он. – Ты что тут делаешь?

– Пытаюсь не потонуть! Помоги!

– Я мигом!

И улетел. Только его и видела. Впрочем, что может мотылек? Подхватит меня лапками и унесет, как орел – ягненка? Он же размером с мою голову.

Лист несло, речка сужалась, течение ускорялось. Дальше темнели крутой поворот и камни. Опасно! Я вытащила из платья поясok – тонкую ленту, которая до этого держала наряд на талии. Просунула руку в прорезь листа и приладила один конец к черешку, а второй завязала петлей. Что дальше? Закинуть бы на береговой камыш. Но они так быстро мелькают...

Послышалось крыканье. Позади меня, широко взмахивая крыльями, летел дикий селезень. А рядом с его головой отчаянно жужжал Мотыль, тыча усиками в мою сторону.

– Сюда! Сюда! – пищал он. – Вон она, на листе!

Селезень спланировал ниже. Не растерявшись, я раскрутила поясok и накинула петлю на его клюв. Вау, с первого раза получилось! Селезень дернулся, но полетел вперед, вытянув шею.

Лист вздрогнул и пошел за ним на буксире.

– Давай к берегу! – скомандовала я. – К берегу, говорю!

Селезень послушно повернул. Мотыль летел рядом, подбадривая то меня, то его. Через минуту лист с шорохом выехал на берег. Я соскочила, упала на колени и расцеловала землю. Пахла она гнилью и мокрой травой. Но в тот момент это был лучший аромат в моей жизни.

– Спасибо, – выдохнула я, снимая поясok с клюва селезня. – Огромное спасибо.

– Пожалуйста, – крикнул он. – Ты прелесть какая хорошенькая. Хотя и совсем не похожа на утку.

А вокруг собрались как раз таки утки. Кучно так, переваливаясь с боку на бок. Крякали, разглядывали меня.

– Кто такая? – осведомилась одна.

– Что тут делаешь? – поддержала вторая.

– Я бездомная фея, – сказала я очень жалобно. – Может, вы меня возьмете к себе?

– Давайте возьмем, – попросил селезень.

Утки собрались в кружок и зашушукались. До меня долетали обрывки фраз. Наконец они разгруппировались.

– Нет, – отрезала самая важная с виду утка. – Ты нам не нравишься.

– У тебя нет крыльев, – подхватила другая. – Жалко смотреть!

– Ноги и руки. Фи... Совсем как у человека. Некрасиво!

– Но... – вякнул мой селезень.

– Замолчи, – шикнули на него. – Ты притащил ее сюда, ты и неси ответственность.

– Я? – Селезень попятился. – Ну, я... м-м-м... у меня миграция намечается...

– Что? – хором спросили утки.

– Перелет. Ну, на юг. Совсем скоро. Мне не до гостей.

Он потоптался, повертел головой и вдруг заявил:

– И вообще, присмотрелся я. Она вправду безобразная. Ноги, руки, ни перьев, ни клюва. И хвоста нет. Какая же это прелесть? Пусть идет куда хочет.

Утки одобритительно закричали. Селезень, гордо переваливаясь, зашагал к воде. Стая потянулась за ним. Через минуту я осталась на берегу одна. Только Мотыль все еще кружил надо мной.

– Вот же снобы пернатые, – пробормотала я.

Нашли безобразную! Да я лапочка. Точно знаю.

– Ох... – Мотыль опустил мне на плечо. – Ты как?

– Нормально. Спасибо, что помог. Я из дома сбежала.

– И куда пойдешь?

– В лес. Надеюсь, там будет потеплее.

– Ищи норы! Попросись на ночлег.

Я пересадила его на ближайшую травинку и пошла. Уже одна.

В лесу было сыро, луна едва пробивалась сквозь кроны. Под ногами то хрустели ветки, то шуршали прелые листья. Я плелась, обхватив себя руками, потому что мокрая одежда липла к телу, а холод пробирал до костей.

Нору я нашла случайно: поскользнулась и упала. А поднявшись, увидела темное отверстие под деревом.

– Извините, – постучала я по корню. – Я войду? Сильно замерзла.

Из норы высунулась ушастая морда. Кролик. Серый, упитанный, с настороженным носом.

– Ты кто? – поинтересовался он.

– Фея, оставшаяся без дома.

– Фея? – Кролик принялся. – Чумазая, вся в тине... Ну, заходи. Только до утра. Это вообще-то жилище на одного.

Нора действительно была тесновата. Я устроилась на сухой траве под мохнатым боком кролика, свернувшись калачиком. Платье подсохло, волосы тоже. Согрелась.

– Слушай, – осмелела я, – а еды у тебя не найдется?

Желудок требовательно урчал. Все же такой стресс испытала, немудрено проголодаться.

– А я вот не ем в гостях, – со значением сказал кролик. – И я же тебе немышь или хомяк. Запасов не делаю. Ем то, что найду. Траву, молодые побеги, листья. Иногда кору деревьев.

– Ну, такое и я найду. – Я представила, как грызу дерево. Бр-р-р... – Но есть это не очень хочется.

– Тебе совсем некуда пойти?

– Совсем.

Кролик задумался, смешно шевеля ушами.

– Попросись к кротам, – выдал он спустя минуту. – Они зажиточные. Может, приютят.

– К кротам? – Я приподнялась на локте. – Они же мелкие. Я не пролезу в их нору.

– К этим пролезешь, – загадочно изрек кролик. Интригует! – У них большой дом. Особенно, можно сказать. Целые хоромы под землей. Попробуй. Если, конечно, не побоишься к ним сунуться.

Хм... А не побоюсь! Голод не тетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.